

С. Нилус

**Сила Божия и немощь
человеческая**

**Записки игумена Феодосия и
другие повести**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С. Нилус
С11 **Сила Божия и немощь человеческая: Записки игумена Феодосия и другие повести / С. Нилус – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.**

ISBN 978-5-458-62368-1

«Сила Божия и немощь человеческая» - это жизнеописание (по материалам монастырского архива) игумена Феодосия (Попова). Это времена расцвета Оптинского монастыря и великих старцев - преподобных Макария и Амвросия. В книге также 8 историй: 1) Самоотверженная Игуменья 2) Несчастный 3) Из Мира Божественной Тайны 4) Свидетельство Живой Веры 5) Христос Воскресе! 6) Вражья Сила 7) Марко Фраческий 8) Повесть о Пяточисленных Молитвах. Главнейшее благо человека на земле и едва ли притом не единственное - это вера в Господа нашего Иисуса Христа, в Троице славимого Бога. Этой-то вере, как высшему благу всех людей, способствуют и всемерно служат все чудеса и знамения, в чем бы они не выражались.

ISBN 978-5-458-62368-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и самоотверженіи заключены не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ *мелочи дѣла и силы*, данныхъ имъ для того, чтобы, по слову Апостола, вѣра наша утвердилась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей.

И многихъ рабовъ Своихъ нелицемѣрныхъ и истинныхъ показалъ мнѣ, ищущему, Господь, и во главѣ ихъ, подѣ перо мое просится одно великое для Православной и Самодержавной Россіи имя, къ которому, съ трепетной надеждой и вѣрой, обращены взоры всѣхъ истинно-русскихъ людей и отъ кого послѣ Бога они ждутъ своего спасенія.. Но о живыхъ праведникахъ, какое бы они мѣсто въ мірѣ ни занимали, отъ самага великаго до самага низкаго,—не лѣтъ ми и глаголати, и потому до времени сохранимъ имена ихъ только въ своей молитвенной памяти.

Но міръ праведниковъ недавно отшедшихъ ко Господу,—это уже достояніе всѣхъ хотящихъ на ихъ примѣрѣ жати свое спасеніе; о нихъ я и поведу здѣсь, въ моихъ очеркахъ, рѣчь свою въ радостной надеждѣ, что однимъ, совершеннымъ, она будетъ въ утѣшеніе, а другимъ, ищущимъ Бога въ истинѣ, а не „въ препретельныхъ земной мудрости словесахъ“, она послужитъ въ утвержденіе и въ вѣчное спасеніе въ небесныхъ обителяхъ Отца и Царя нашего Небеснаго.

Христось Господь, Богъ нашъ, въ Троицѣ славимый, вчера, днесъ и во вѣки Той же, и потому въ рядѣ очерковъ, предлагаемыхъ вниманію боголюбцевъ, я, начавъ жизнеописаніемъ игумена Феодосія Попова, во всемъ исѣмъ намъ подобострастнаго человѣка, заключаю свой малый трудъ Преподобнымъ Марко Фраческимъ, о которомъ писано съ такимъ вдохновеніемъ Четь-Минееми, столь основательно позабытыми тѣми, кто почитаетъ себя цвѣтомъ современной образованности.

Главѣйшая же цѣль труда моего—на достовѣрныхъ

показаніяхъ и примѣрахъ близкихъ намъ по времени христіанъ утвердить въ сердцѣ моего читателя непреложное свидѣтельство Апостольской истины, явленной въ словахъ Апостола Павла въ его второмъ посланіи къ Коринѳянамъ: „ибо знаемъ, что, когда—земной нашъ домъ, эта хижина, разрушится, мы имѣемъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный вѣчный“!

Трудъ мой ничтоженъ—онъ трудъ только писателя вѣрнаго, но и за него молю и прошу того, кому онъ придется по сердцу, не оставить грѣшнаго моего имени поминовеніемъ молитвеннымъ къ Творцу всяческихъ.

Сергей Нилусъ.

ЧАСТЬ I

Игуменъ Феодосій (Поповъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Иисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки“.

Какъ въ Духѣ Святомъ утверждаетъ Святой Апостолъ Павелъ, обращая свое вдохновенное слово къ Церкви вѣрующихъ всѣхъ странъ, всѣхъ временъ до скончанія вѣка. И слово это, какъ слово Божіе, измѣниться не можетъ; и какъ Церковь Божію, такъ и слово Апостольское не одолѣютъ и врата адовы,—этому вѣрять хрістіанская вѣчность, и должны вѣрять и мы, православные хрістіане, предназначенные къ вѣчности, къ вѣчному спасенію къ вѣчному радованію, къ вѣчному царствованію вмѣстѣ съ Царемъ славы, Христомъ Иисусомъ. Такова вѣра наша, и съ этой вѣрой, Богу милующу, мы и отойдемъ въ Царство Свѣта немерцающаго и незаходимаго.

Но какъ горькая дѣйствительность мало соотвѣтствуетъ свѣтлымъ хрістіанскимъ упованіямъ! Гдѣ сила Христова просвѣщенія духа человѣческаго? Гдѣ подвижники духа? Гдѣ вѣра ихъ? Гдѣ сила ихъ, переставлявшая горы? Гдѣ явно дѣйствующая благодать Духа Святаго? Гдѣ они, великіе свѣтильники вѣры, Преподобные, эти Ангелы во плоти, насъ спасающіе?...

Тревожное сердце хрістіанское, недоумѣнно и въ тайнѣ озираясь на окружающую его дѣйствительность, съ тревогой, близкой къ отчаянію, готово спросить Господа своего: да есть ли теперь даже и спасающіеся? А злобный духъ времени змѣинымъ шепотомъ отступничества уже шепчетъ рабамъ своимъ: хрістіанство дискредитировано,—долой хрістіанство, долой Церковь, долой монашество, поповъ, долой всѣ предрасудки и

суетѣрія вѣры, тормозяще движеніе земной культуры, прогресса единого бога—человѣческаго разума! Царь міра—плоть, вѣчное блаженство—царство всеобщей сытости! Прочь призраки и мечтанія слабыхъ разумомъ, обольщенныхъ и обольщаемыхъ своекорыстными жрецами!...—Вотъ какія рѣчи ведетъ къ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ духъ времени сего, князь міра сего, торжествуя уже близкую свою, конечную побѣду надъ ослабѣвшимъ въ духѣ хрістіанствомъ. — Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ отступнической мірѣ.

— „Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ Царство“. На всѣ времена сказано было это слово нашимъ Спасителемъ и Богомъ: во всѣ времена стадо Хрістово, вѣрное своему Пастыре-Начальнику въ полнотѣ духа и истины, было не велико, потому что всегда былъ тѣсенъ и прискорбенъ путь Креста Хрістова и широко отверзты врата, ведущія въ погибель; въ концѣ же временъ, при вѣшшемъ и кратковременномъ торжествѣ зла, оно будетъ казаться еще меньше, но все-таки, будетъ Церковью, которой не одолѣтъ всей силѣ враждей.

И теперь, въ наши лютыя и многобѣдственные времена, еще живутъ и работаютъ на Божьей нивѣ незримые міру Божьи трудники, тѣ „семь тысячъ“, которыхъ соблюлъ Себѣ Господь и которые не подклонили выи своей Ваалу.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Оптину Пустынь, за бесѣдами съ богомудрыми старцами, довелось мнѣ услышать объ одномъ изъ членовъ этого святаго братства, Игуменѣ Феодосіи, скончавшемся въ 1903-мъ году и послѣдніе годы своей жизни пріютившемся на покой подъ тихую сѣнь Скита великой духомъ Оптинской обители. И все, что рассказывали мнѣ объ этомъ старцѣ, до того было близко моему сердцу, такъ трогательны были о немъ еще живыя воспоминанія, что я невольно имъ заинтересовался. Богу угодно было раскрыть мнѣ душу этого молитвенника и дать мнѣ въ руки такое сокровище, которому равнаго я еще не встрѣчалъ въ грѣшномъ своемъ общеніи со святыми подвижниками, работающими Господу въ тиши современныхъ намъ православныхъ монастырей.

Сокровище это—автобіографическія замѣтки въ Бозѣ почившаго игумена, которыя онъ составилъ незадолго до своей праведной кончины. Со времени учрежденія православныхъ монастырей не было примѣра, чтобы кто-либо изъ ихъ насельниковъ и подвижниковъ оставилъ о себѣ свои воспоминанія, касающіяся самой интимной стороны жизни монашескаго духа, сохранилъ бы подробную исторію своей души, стремившейся къ Богу, смилыхъ надлежитъ и постаній, и повѣдалъ бы о силѣ Божіей, въ его

немощи совершавшейся и неуклонно руководившей имъ на пути къ земному совершенствованію въ благодати и истинѣ и къ Царству свѣта невечерняго. Тѣмъ и драгоценны эти замѣтки, что онѣ съ необыкновенно-правдивой ясностью указываютъ намъ, что и въ наше время, и въ ослабѣвшемъ нашемъ хрістіанскомъ духѣ, возможенъ и всякому доступенъ, съ Божьей помощію, путь спасенія и соединенія съ Господомъ Исусомъ, Который все Тотъ же, что былъ отъ созданія человѣка и останется Тѣмъ же во вѣки. Съ необычайной живостью и съ неослабѣвающимъ интересомъ ведется эта лѣтопись сердца почившаго игумена и раскрывается исторія земнаго испытанія этой хрістіанской души. Съ рѣдкой правдивостью, съ которой автобіографъ не щадитъ и самого себя, повѣствуется имъ и о той мірской и монастырской обстановкѣ, въ которой трудилось его сердце въ исканіи Бога и Его вѣчной правды: какъ живые воскресаютъ передъ читателемъ тѣни недавняго прошлаго, тѣни тѣхъ среднихъ русскихъ людей, изъ которыхъ одни работали надъ созданіемъ храма Божьяго въ сердцѣ Православной Россіи, а другіе по слабости своей и невѣдѣнію—надъ его разрушеніемъ. Съ рѣдкой силой, съ чистотисной простотой ведется удивительное повѣствованіе то о людяхъ, о событіяхъ, о душѣ человѣческой и о силѣ Божіей, надъ всей ихъ немощью совершавшейся, и самъ игумень возстаётъ передъ читателемъ во всей яркости своего духовнаго облика.

Увѣренный въ особой назидательности этихъ замѣтокъ почившаго игумена какъ для вѣрующаго православнаго люда, такъ и для монашествующей современной братіи, я разобралъ ихъ, связалъ ихъ, по силѣ своего разумѣнія, въ одно цѣлое, не убавивъ и не прибавивъ въ нихъ ничего своего, самоцѣльнаго, и даже, по возможности, сохранивъ слогъ и стилистику выраженія мыслей самого автора. Покойный, не получивъ законченнаго образованія, не могъ создать и обработать цѣлостнаго литературнаго произведенія, но природное дарованіе его было не изъ заурядныхъ, и оно дало въ его замѣткахъ такой богатый и яркій литературный, бытовой и психологическій материалъ, что легкокъ былъ мой трудъ, который я теперь и предлагаю вниманію и назиданію моего дорогаго читателя.

Въ напутствіи къ біографіи игумена Ѣеодосія сообщу характерную черту прозорливости великаго старца и наставника монашествующей братіи Оптиной Пустыни и всего православно-вѣрующаго міра, отца Амвросія Оптинскаго, подъ духовнымъ вліяніемъ котораго воспитывался и отецъ Ѣеодосій.

Жизнь игумень Ѣеодосій уже на покой въ Скиту Оптинской Пустыни и, несмотря уже на известную только одному Богу степень своей духовной высоты, нѣрѣдко подвергался искушенію

отъ духа унынія, столь знакомаго всѣмъ, кто внималъ своей духовной жизни. Въ одно изъ такихъ искушеній прибѣгаетъ старецъ-игумень къ старцу Амвросію и почти съ отчаяніемъ плачетъ къ нему:

— „Батюшка, спаси—погибаю! Свинья я, а не монахъ: сколько лѣтъ ношу мантію, и нѣтъ во мнѣ ничего монашескаго. Только и имени мнѣ, что—свинья“!

Улыбнулся старецъ своей кроткой улыбкой, положилъ свою руку на плечо склонившемуся передъ нимъ и плачущему игумену и сказалъ:

— „Такъ и думай, такъ и думай о себѣ, отецъ игумень, до самой твоей смерти. А придетъ время: о насъ съ тобой, свиньяхъ, еще и писать будутъ“.

Это мнѣ рассказывалъ одинъ изъ сотаинниковъ жизни покойнаго игумена, нынѣ еще здравствующій отшельникъ Оптинскій.

Лѣтъ двадцать прошло съ этихъ знаменательныхъ словъ блаженнаго старца, и суждено было имъ исполниться черезъ мои грѣшныя руки, руки того человѣка, который въ то время самъ такъ далекъ былъ не только отъ подвижниковъ монашества, но и православнымъ-то числился по одной метрицѣ, выданной Московской Духовной Консисторіей для поступления въ гимназію.

„О, бездна богатства и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ неисповѣдимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!“ (Рим. XI, 33).

Записки игумена Феодосія о своей жизни.

I.

тносительно моей родословной вотъ что я не разъ слышалъ въ юности лично изъ устъ моего родителя.

Пращуръ нашъ мѣстожителство имѣлъ въ селѣ Меликѣ въ 12 верстахъ отъ г. Балашева, Саратовской губерніи. Въ то время городъ этотъ былъ ни что иное, какъ деревня, принадлежащая помѣщику Б....у, а селеніе Меликъ—нѣскольکو сотенъ семей язычниковъ-идолопоклонниковъ Мордовцевъ. Мой пращуръ былъ ихъ старшій повелитель и начальникъ. Когда Петръ I, желая скрыть свои благодѣтельные и мудрые планы отъ наблюденія кабинетовъ Европейскихъ державъ, строилъ флотъ для взятія Азова въ Воронежѣ, пращуръ нашъ, безъ всякаго со стороны правительства къ тому побужденія, возымѣлъ собственное желаніе принести, по силѣ возможности, дань своего вѣрнопопданническаго чувства, и когда Государь нуждался въ матеріальной помощи, онъ нарубилъ для него нѣскольکو сотъ вѣсковыхъ корабельныхъ дубовъ, срубилъ ихъ въ плоты и собралъ нѣскольکو тысячъ пудовъ ржаной муки отъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ. Все это онъ желалъ доставить въ куляхъ на плотахъ по рѣкамъ Хопру и Воронѣ. Но, такъ какъ въ то время не было въ той странѣ хорошихъ лощмановъ, и по рѣкамъ не было открыто судоходство, то планъ его не осуществился и цѣль не была достигнута. Плоты, которые были спущены съ грузомъ кулей муки во время полной воды, занесло въ рукава заливовъ, а нѣкоторые и вовсе потонули. Только нѣскольکو плотовъ догнали до Новохоперской крѣпости. Съ великимъ горемъ ускакалъ мой пращуръ на лошадахъ въ Воронежъ и предсталъ предъ лицо Державнаго и объяснилъ Ему о неудачѣ своего предпріятія. Петръ не оставилъ безъ вниманія усердія Мордвина и пожаловалъ ему въ знакъ своей милости водяную мельницу на

рѣкъ Хопрѣ, близъ села Рѣпинаго, въ вѣчное потомственное владѣніе и нѣскольکو десятинъ лѣсу съ землею, на что была выдана грамота, впослѣдствіи записанная въ церквахъ Рѣпинской и Бѣломойской. Подаренный лѣсъ былъ окопанъ глубокой канавой, слѣды которой и я не разъ еще видѣлъ, когда ѣзжалъ съ родителемъ моимъ на охоту съ ружьемъ осенью за зайцами. Мѣстность эта поднесъ называется „Крутица“, а прежде называлась „Лѣсъ Вагаева“, по прежней нашей коренной фамиліи.

Въ бытность свою въ Воронежѣ, пращуръ мой не разъ удостоивался бесѣдовать со Святителемъ Митрофаномъ и имъ былъ наученъ таинствамъ Христовой вѣры и былъ крещенъ въ рѣкъ Воронежѣ, а, по возвращеніи своемъ въ село Меликъ, онъ убѣдилъ всѣхъ жителей этого села принять св. Крещеніе. Впослѣдствіи пращуръ мой, по усердію своему, выслалъ одной изъ Царицъ, отлитый по его заказу колоколъ, который былъ цѣль еще и во дни жизни моей бабки. Рассказывая мнѣ объ этомъ событіи, бабка моя сказывала мнѣ, что мельницей и лѣсомъ мы владѣли до царствованія Екатерины II. Когда же эта великая Государыня повелѣла размежевать земли по принадлежности, то въ это время прибылъ къ прагѣдѣ моему межевой и сказалъ ему секретно въ его домѣ:

— „Вагаевъ! если ты не дашь мнѣ пяти рублей, то я мельницу и лѣсъ твой отмежую въ другія дачи, а тебѣ отрѣжу въ другомъ мѣстѣ, пониже“.

Но у прагѣды моего былъ на это свой особый взглядъ: за что, де, я дамъ пять рублей? Что можетъ онъ мнѣ сдѣлать? Я имѣю царскую грамоту, никого не боюсь, денегъ не дамъ, а, нужно будетъ, и до Царя дойду.

— „Эй, Вагаевъ! дай—тужить будешь“,—говорилъ землебръ: „синяя—не велики деньги“.

— „Ладно!“—отвѣчалъ ему пращуръ: „мы сами знаемъ, гдѣ Царь живетъ.“

И уперся на своемъ. Земля съ мельницей была прирѣзана къ другой дачѣ, а ему было велѣно построить мельницу ниже. Съ мельницы семью пращурѣ выгнали, и бабушка моя со своей матерью пошли по плотинѣ, оглашая воздухъ раздирающими сердце воплями. Завелась тяжба. Прагѣдъ со своей грамотой въ Петербургъ и здѣсь уже на опытѣ, хотя и поздно, узналъ русскую народную пословицу: „до Бога высоко, а до Царя далеко“. Истративъ тамъ порядочный кушъ экономіей и трудами накопленныхъ тысячъ и не дождавшись чего-либо въ свою пользу, онъ съ грустью поздняго раскаянія окончилъ въ Петербургѣ свою жизнь, а все бывшее при немъ имущество пропало безслѣдно. Событіе это тяжело отразилось на благосостояніи его

семьи. Впоследствии даже слѣды этой грустной исторіи были уничтожены г. Струковымъ, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, который, подъ видомъ разслѣдованія, выпросилъ у моей бабушки крѣпостные документы и бросилъ ихъ въ печку. Мельница поступила въ опись Палаты Государственныхъ Имуществъ и съ того времени сдается съ торговъ отъ казны въ арендное содержаніе.

Чтобы покончить со всей этой безконечной тяжёлой исторіей, начальство, во избѣжаніе возобновленія наслѣдниками дѣла, велѣло и самую нашу фамилію изъ Вагаевыхъ измѣнить въ Поповыхъ. Хотя и понынѣ еще есть потомки Вагаевыхъ, но родовая земля, лѣсъ и мельница давнымъ давно не принадлежатъ имъ.... Такую роль въ жизни нашего рода сыграла пятирублевая синія ассигнація... Кажется, нельзя было бы этому и повѣрить, но, къ несчастію, это была правда изъ временъ.... Шемякина суда.

Еще, я помню, видѣлъ крѣпостные наши документы пятикопѣечнаго достоинства. Да къ чему они? Прадѣдъ и землемѣръ давно уже въ сырой могилѣ превратились въ тлѣніе до будущаго Суда и вѣчной жизни, и самыя синія пятирублевыя ассигнаціи замѣнены теперь государственными кредитными билетами.

Проходитъ образъ міра сего.

Вотъ имена моихъ ближайшихъ родоначальниковъ:

Прадѣдъ моему отцу—Симеонъ, жена его—Соломонія.

Дѣдъ—Іаковъ, жена его—Фекла.

Отецъ—Родіонъ, жена его Васса.

Родитель мой—Аванасій, мать моя—Агаеія.

Братъя мои: Феодоръ, скончался въ 1846 году на 21 г. отъ рожденія, Іоаннъ родился въ 1835 году (я былъ 8 лѣтъ).

Сестры: Екатерина, Пелагія.

Всѣхъ же насъ у родительницы было 21 человекъ, но тѣ умирали во младенчествѣ году, трехъ и пяти лѣтъ.

Родительница моя умерла въ 1851 году 27 Сентября и похоронена на общемъ кладбищѣ (Новомъ) въ гор. Балашовѣ на 51 году отъ рожденія своего. Родитель скончался въ 1857 году Августа 7-го на 60-мъ году, а погребенъ въ селѣ, бывшемъ городѣ, Добромъ, Лебедянскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, близъ Тихвинской церкви.

Сотвори имъ, Господи, вѣчную память!

Прошу всѣхъ православныхъ съ поклономъ до земли и съ росой сыновняго усердія на рѣсницахъ, поминать ихъ имена на проскомидіи и въ частныхъ своихъ святыхъ молитвахъ, и благій Господь въ милости Своей да помянетъ всѣхъ насъ. Аминь.

II.

Говаривала мнѣ моя бабушка: „когда я была лѣтъ восьми или десяти, мы жили въ селѣ Рѣпномъ отъ г. Балашова въ 7 верстахъ. Я любила очень ходить въ церковь и, какъ услышу звонъ колоколовъ, съзывающій народъ къ обѣднѣ, такъ сейчасъ и бѣгу въ храмъ Божій. Бывало и въ будни я такъ-то ради церковной службы бросала игры съ подружками, съ которыми бѣгала по зеленой травѣ, ловя бабочекъ и, какъ зазвонятъ въ церкви, такъ оставляю все и бросаюсь въ церковь. Въ церкви я становилась у самаго амвона, противъ царскихъ вратъ, и зорко слѣдила за всѣми дѣйствіями священника. Причина моихъ наблюденій за священникомъ была та, что однажды, бывши въ праздникъ съ моими родителями у обѣдни, я видѣла надъ престоломъ, немного повыше главы священника, прямо надъ Св. Чашей парящаго Голубя, который былъ бѣлъ, какъ снѣгъ и неподвижно, едва замѣтно трепеща крыльями, держался въ воздухѣ. И видѣла я это не разъ, и не два, а нѣсколько разъ, о чемъ я передала своей подружкѣ, и мы всегда съ нею, какъ только, бывало, услышимъ звонъ колокола, такъ и бѣжимъ изо всѣхъ силъ, желая перегнать другъ друга, и станемъ вмѣстѣ у амвона, дожидаясь появленія блестящаго бѣлаго Голубка. И ужъ какъ же любили мы Его за то, что Онъ былъ такой бѣленькій, такой-то хорошенькій!

Но были дни, когда мы такъ и не могли дождаться этого чуда, которое совершалось только во время служенія старика-священника (отца, если я не ошибаюсь, священниковъ, нынѣ служащихъ Алексія и Иоанна Росницкихъ). Только во его служеніе мы и видѣли всегда нашего Голубка. При другомъ священникѣ этого не бывало. Когда же мы объяснили объ этомъ нашимъ родителямъ, а родители сказали священнику Росницкому, съ тѣхъ поръ мы съ подружкой уже болѣе не видали чуднаго Голубочка“...

Бабушка моя, какъ я ее помню, была очень богомольна: цѣлыя ночи безъ сна, стоя на коѣнкахъ, она малывалась Богу и дѣлала это она всегда въ потемкахъ, въ спальнѣ или въ залѣ, гдѣ только не было людей. Когда зимой на полу стоять было холодно, бабушка становилась молиться на лежанку и забывая, гдѣ она и что она, полагая поклоны, незамѣтно приближалась все ближе и ближе къ краю лежанки и, наконецъ падала на полъ. И случалось это съ ней не разъ. Мы, какъ несмысленныя дѣти, бывало, засмѣемся, восклицая: „ну, бабушка наша опять полетѣла!“—А бабушка, какъ ни въ чемъ не бывало, влѣзетъ опять на лежанку и опять станетъ на молитву. Иногда, слѣзши одинъ земной поклонъ, она засыпала на поклонахъ и въ та-